

Осень сменилась весной — минуло уже три года.

Стоял третий месяц весны. На склонах пышно цвели горные цветы, день был тёплым и ясным — самое время для прогулок на природе. Но троим всадникам, мчавшимся по дороге, было не до любования пейзажами. Если они не прибавят ходу, то опоздают на Съезд мастеров боевых искусств. Все трое записались на турнир и собирались сразиться с другими, чтобы понять собственный уровень.

После долгой скачки даже в прохладную весеннюю погоду они вспотели. Одному из троих было особенно жарко. На нём был абрикосового цвета наряд: снизу удобная для движения юбка-брюки, а сверху — одежда с широкими рукавами и высоким воротником, плотно закрывавшим шею. От жары пот промочил даже волосы на лбу.

Ещё полчаса они мчались без остановки и наконец увидели ворота Усадьбы Цзюйсянь. Ехавший впереди юноша спешил и обернулся:

— Младшая сестра, Цзюнь Шань, мы приехали!

Цзюнь Шань радостно вскрикнула и спрыгнула с лошади. Хань Цошэн потянул за воротник и только потом тоже спешил. Увидев, что тот весь в поту, Цзюнь Чун спросил:

— Младшая сестра, ты каждый день носишь одежду с высоким воротом. Тебе не жарко?

Хань Цошэн покачал головой и достал платок, чтобы вытереть пот. Три года он притворялся девушкой, поэтому мало было вести себя и двигаться по-женски — приходилось ещё держать при себе всякие платочки и прочие мелочи. Одежду, независимо от погоды, он всегда носил с высоким воротником, чтобы скрывать кадык. Теперь ему было семнадцать. Лицо постепенно утратило мягкость ранней юности, но черты оставались тонкими и андрогинными, так что в женской одежде он всё ещё мог сойти за девушку. Грудь, конечно, была совершенно плоской — приходилось подкладывать два комочка хлопка. А вот рост спрятать было невозможно. Теперь он был на голову выше Цзюнь Шань и всего на один цунь ниже Цзюнь Чуна. Вытирая пот, он думал: «С каждым годом изображать женщину всё труднее. Уже и бриться приходится два раза в день. Похоже, долго скрывать не получится, только подходящего момента признаться всё нет».

Немного постояв у ворот, трое приготовились войти в Усадьбу Цзюйсянь.

Именно здесь традиционно проходил Съезд мастеров боевых искусств, раз в три года. Постоянных пунктов программы было всего два: борьба с Демонической сектой и турнир молодого поколения. Говорили, что четырнадцать лет назад объединённые силы праведных школ разгромили Демоническую секту так сильно, что та полностью исчезла из виду. Однако спустя четыре года у неё появился новый глава, и секта вернулась, причём действовала ещё жестокее прежнего. Новую главную резиденцию спрятали ещё надёжнее: никто не знал, где она находится, никто не видел и лица нового главы. Все десять лет мир боевых искусств буквально заливало кровью. Только Усадьба Прославленного Меча стояла в стороне от

основных конфликтов, поэтому Цзюнь Чун и остальные почти не ощущали происходящего. Главной темой нынешнего съезда тоже должен был стать вопрос, как разобраться с Демонической сектой, но к трем молодым людям это особого отношения не имело: они приехали ради турнира. Цзюнь Ле не любил вмешиваться в подобные собрания и остался дома.

Цзюнь Чун привёл обеих «младших сестёр» в усадьбу и сразу увидел машущего им Чжао Няня. Отец Чжао Няня, Чжао Кэ, славился в мире боевых искусств великолепным владением саблей и относился к сторонникам решительных действий, поэтому привёз сына в Усадьбу Цзюйсянь заранее. Трое присоединились к Чжао Няню и вместе пошли к стойке турнира отметить о прибытии.

Первые два дня съезда отводились обсуждению Демонической секты, а последние три — соревнованиям. Но открытие должно было состояться только завтра. Молодёжь воспользовалась свободным временем и отправилась погулять в ближайший город Чанчжоу. За последние годы отношение Цзюнь Шань к Чжао Няню заметно смягчилось. Сейчас они даже шли рядом впереди, а она впервые не тащила Хань Цошэна по лавкам.

Хань Цошэну оставалось идти рядом с Цзюнь Чуном. От этого ему было немного неловко: чувства Цзюнь Чуна становились всё очевиднее. Но ответить на них Хань Цошэн всё равно не мог. Он только вздыхал про себя: не стоило с самого начала притворяться девушкой — теперь он невольно заставил человека увязнуть всё глубже. О собственном происхождении за три года он так ничего и не узнал. Зато в искусстве меча оказался невероятно талантлив: очень быстро превзошёл и Цзюнь Чуна, и Цзюнь Шань, став самым любимым учеником Цзюнь Ле.

Цзюнь Чун заметил, что младшая сестра идёт молча и даже не смотрит на интересные вещи вокруг, будто всё это её совершенно не привлекает. Женские украшения она тоже не любила: в волосах никогда не было ни единой шпильки или цветка, только простая лента. Неужели Цзюнь Шань плохо на неё повлияла? Но сама Цзюнь Шань теперь носила жемчужные украшения — вроде бы не её вина. Цзюнь Чун невольно нащупал вещь в кармане и заколебался: понравится ли она младшей сестре?

Вдруг Хань Цошэн остановился и посмотрел в одну сторону. Цзюнь Чун проследил за его взглядом и увидел в чайной неподалёку, у окна, мужчину в красном. Кожа у него была очень белая, а красная одежда делала контраст особенно заметным. Но лицо скрывала совершенно чёрная маска, поэтому понять, кто это, было невозможно. Цзюнь Чун украдкой посмотрел на выражение младшей сестры: та несколько раз внимательно оглядела мужчину и сильно нахмурилась.

Цзюнь Чун не выдержал, похлопал её по плечу и спросил:

— Младшая сестра, что случилось?

Хань Цошэн отвёл взгляд, расправил брови и покачал головой: ничего.

Просто фигура того мужчины казалась ему удивительно знакомой.

Хань Цошэн больше не задерживался, машинально потянул Цзюнь Чуна за рукав, показывая, что нужно идти быстрее. Когда любимый человек ухватился за его рукав, у Цзюнь Чуна все мысли моментально вылетели из головы — оставалось только послушно идти следом.

Когда они ушли далеко, рядом с мужчиной в красном в чайной появился человек средних лет и тихо сообщил:

— Хозяин, молодой господин тоже прибыл в Чанчжоу. Нужно ли на этот раз забрать его обратно?

Мужчина в красном сделал глоток чая, посмотрел на молодых героев и героинь на улице и улыбнулся:

— Подождём, пока завтра всё закончится, и заберём.

— Есть.

Хань Цошэн протащил Цзюнь Чуна за рукав ещё немного и лишь потом вспомнил, что пора отпустить. Но в этот момент Цзюнь Чун сам остановил его. Они стояли у дороги под абрикосовым деревом; лепестки иногда срывались с ветвей и падали Хань Цошэну на волосы. Цзюнь Чун быстрее, чем успел подумать, протянул руку и снял один лепесток. Только после этого он осознал, что сделал, и покраснел.

Хань Цошэн увидел этот жест и подумал, что дело принимает опасный оборот. Бумаги и кисти под рукой не было, так что объясняться словами он не мог. И действительно, Цзюнь Чун словно наконец набрался решимости: достал что-то из рукава, протянул Хань Цошэну и сказал:

— Младшая сестра, я заметил, что у тебя совсем нет шпилек. Я вырезал одну сам. Посмотри, нравится?

На ладони Цзюнь Чуна лежала белая нефритовая шпилька, украшенная пятилистным цветком. Нефрит мягко поблёскивал. Глядя на этот предмет, подозрительно похожий на любовный подарок, Хань Цошэн понял: принимать его нельзя ни в коем случае. Он поднял голову и увидел, что Цзюнь Чун смотрит на него с надеждой. Хань Цошэну оставалось протянуть руку, мягко оттолкнуть ладонь со шпилькой, улыбнуться, развернуться и быстрым шагом догнать Цзюнь Шань с Чжао Нянем.

Цзюнь Чун застыл, затем сжал пальцы и крепко зажал шпильку в кулаке. Но вскоре снова приободрился и догнал троих впереди.

Ничего. Не получилось в этот раз — попробует в следующий!

На следующий день Съезд мастеров боевых искусств открылся в назначенный срок.

Собралось больше сотни человек, но в кругу, где шло обсуждение, сидели в основном давно прославившиеся мастера. Молодым оставалось устроиться по внешнему краю — настоящая публика, пришедшая поглазеть и послушать сплетни.

Все некоторое время обменивались приветствиями, но к делу так и не переходили. Наконец отец Чжао Няня, Чжао Кэ, человек нетерпеливый, встал, сложил руки в приветственном жесте и сказал:

— Господа, вы наверняка слышали, что крепость Хуанша была уничтожена Демонической сектой. Они становятся всё безумнее. Мы не можем и дальше бездействовать. Есть ли у присутствующих хороший план?

— Но все эти люди Демонической секты — как черепахи, прячущие головы, или крысы, зарывшиеся под землю. Мы их вообще найти не можем.

— Вот именно. Людей не найти — кого атаковать?

Чжао Кэ кивнул, но, похоже, заранее подготовился.

— Мы не знаем, где их главная резиденция. Я, Чжао, человек невеликих способностей, но мои люди недавно добыли одну новость. Говорят, последние три года Демоническая секта разыскивает сына Лоу Инцзе.

Чжао Нянь хорошо разбирался в делах мира боевых искусств и вполголоса объяснил троим:

— Лоу Инцзе — прежний глава Демонической секты. Говорят, четырнадцать лет назад, когда праведные школы напали на них, он заранее отправил своего сына прочь. Видимо, даже люди секты не знали, куда именно. Нынешний глава вроде бы был учеником Лоу Инцзе. Его зовут... кажется, Лоу Янь. Никто не видел его лица. Говорят, он любит носить маску асуры.

— Значит, мы должны найти его сына первыми и угрожать им Демонической секте? — спросила Цзюнь Шань.

— Но эти люди действуют так своевольно и жестоко. Неужели они позволят собой управлять ради сына прежнего главы? — Цзюнь Чун сомневался, что план полезен.

Чжао Нянь уже собирался объяснить, когда его отец сам продолжил:

— Тогда у нас тоже были внедрённые люди в Демонической секте. Есть одна вещь — не знаю, все ли здесь о ней слышали... Сокровищница Демонической секты.

При слове «сокровищница» лица многих изменились. У некоторых в глазах даже мелькнула

жадность. Чжао Кэ явно остался доволен реакцией и продолжил:

— По слухам, сокровища Демонической секты спрятаны в особом месте. Нынешний глава, скорее всего, знает где. Но ключ от входа в сокровищницу находится у сына Лоу Инцзе.

— То есть если найти сына, то всё равно что найти ключ от двери, и люди Демонической секты обязательно станут осторожнее? — спросила Цзюнь Шань.

Чжао Нянь кивнул.

Чжао Кэ всё ещё объяснял собравшимся:

— Стоит нам схватить сына Лоу Инцзе...

Он не договорил — кто-то крикнул:

— Легко сказать! А ты вообще знаешь, как выглядит его сын?

Чжао Кэ кашлянул, посмотрел на сидящую снаружи молодёжь — точнее, на брата и сестру Цзюнь — и сказал:

— Не знаю, помните ли вы Фею Линъюй?

Стоило ему произнести это имя, как все взгляды обратились к Цзюнь Чуну и Цзюнь Шань. Брат с сестрой внезапно оказались в центре внимания. Цзюнь Шань растерянно посмотрела на брата и увидела, что его лицо стало чернее дна котла, а рука у бедра сжалась в кулак. Она ничего не понимала и снова посмотрела на дядю Чжао. Тот продолжил:

— После того как Лоу Инцзе похитил Фею Линъюй, она родила ему сына. Не знаю, слышали ли вы: у выходцев из Линъюя на теле есть особое родимое пятно в форме трёхлистного клевера. Думаю, такое же пятно должно быть и у сына Лоу Инцзе.

Цзюнь Шань резко вскочила, всё лицо покраснело. Потому что... у неё самой на груди было родимое пятно в форме трилистника. Неужели Фея Линъюй — её мать, которую она никогда не видела? Как такое возможно?

Цзюнь Чун тут же усадил сестру обратно и тихо сказал:

— Вернёмся — я всё расскажу.

Цзюнь Шань застыла и только теперь поняла: брат, похоже, давно всё знает. Выходит, у них

есть младший брат по матери, но от другого отца. И этот брат ещё и связан с Демонической сектой!

Хань Цошэн рядом тоже выглядел потрясённым. Он невольно положил ладонь на левое бедро, словно через ткань мог нащупать на коже то самое родимое пятно в форме трёхлистного клевера.

— Если мы схватим семнадцатилетнего юношу с таким пятном, тогда...

— Тогда что?

Чжао Кэ всё ещё говорил с жаром, когда кто-то внезапно перебил его. Он на миг опешил и увидел: неизвестно когда на каменной стене появился мужчина в красном. Он стоял, заложив руки за спину; ярко-красный халат бросался в глаза, а лицо скрывала маска асуры.

Воинственный пыл праведников мгновенно застыл.

— Кто ты такой?! — рявкнул Чжао Кэ.

Все участники поднялись и начали оглядываться. В это время на стену один за другим запрыгнули десятки чёрноодетых людей в масках, вооружённых луками. Намерения гостей были очевидно недобрыми.

— Люди Демонической секты?! — выкрикнул Чжао Кэ и уже выхватил саблю.

Мужчина тихо рассмеялся и махнул рукой. Лучники одновременно натянули тетивы. В следующую секунду десятки острых стрел полетели в толпу. Все поспешно выхватили оружие и начали отбиваться, однако очень скоро те, кого наконечник лишь царапал по коже, тут же падали замертво.

— На стрелах яд!

Кто-то закричал. Оставалось изо всех сил защищаться и, отражая стрелы, отходить к выходу из усадьбы. Но снаружи их уже поджидала сотня чёрноодетых людей с саблями. В одно мгновение вокруг раздались крики боя и предсмертные вопли. Никто не ожидал, что обычный Съезд мастеров боевых искусств окажется без единого предупреждения окружён Демонической сектой. К счастью, среди участников были настоящие мастера. Они помогли молодым пробиться наружу, а сами ринулись к человеку в красном на стене.

Они хотели сначала схватить главаря, но едва двое мастеров с хорошим искусством лёгкости запрыгнули на стену, как мужчина в красном двумя ударами ладоней сбросил обоих вниз. Один получил тяжёлое ранение, второй умер на месте. В своё время Лоу Инцзе выдерживал одновременную атаку нескольких сильных мастеров и не проигрывал. Нынешний глава,

похоже, был ещё сильнее!

Когда началась битва, Чжао Нянь повёл Хань Цошэна, Цзюнь Чуна и Цзюнь Шань к выходу. Но врагов было слишком много, и четверых быстро разрезало толпой. Чжао Нянь остался с Цзюнь Шань, а Хань Цошэн — с Цзюнь Чуном. Цзюнь Чун никогда по-настоящему не сражался, тем более не убивал людей, но ради защиты Хань Цошэна вынужден был стиснуть зубы и отбиваться от смертельных ударов.

Хань Цошэн убийства не боялся. Почти каждый его выпад шёл в жизненно важную точку противника. Одновременно он наблюдал за мужчиной в красном. Того уже окружили несколько мастеров, но он всё равно не выглядел проигрывающим. Если Чжао Кэ говорил правду, то нынешнее тело Хань Цошэна наверняка и есть сын Лоу Инцзе. Только что ему делать теперь — идти признаваться или притвориться, будто ничего не знает? Какую роль приготовил ему этот иллюзорный мир?

Пока он думал, внимание рассеялось. Лишь услышав приглушённый стон Цзюнь Чуна, Хань Цошэн заметил, что тот заслонил его собой от сабли. Клинок рассёк правое плечо Цзюнь Чуна — ещё чуть глубже, и руку отрубило бы совсем. Хань Цошэн вздрогнул, быстро оттащил его в сторону и одним выпадом убил нападавшего.

Плечо Цзюнь Чуна болело так сильно, что меч больше не держался в руке. Он подтолкнул Хань Цошэна:

— Младшая сестра, уходи скорее!

Хань Цошэн, конечно, не мог бросить его. Он заслонил Цзюнь Чуна и продолжил бой сам, но один человек не мог справиться со множеством рук. Очень скоро раны появились и на нём. С трудом прорубив вместе с Цзюнь Чуном дорогу наружу, он заметил вдали лошадь, потащил спутника туда и без колебаний первым усадил его в седло.

— Осторожно!

Цзюнь Чун тревожно крикнул. Хань Цошэн чуть повернулся и едва избежал одной сабли, но с другой стороны клинок всё-таки полоснул его по спине, оставив длинную рану. Стиснув зубы, он развернулся, несколькими ударами отбросил врагов, затем, терпя боль, вскочил на лошадь и сжал бока животного ногами, заставляя мчаться вперёд.

Цзюнь Чун сидел сзади и видел, как из разрубленной плоти на спине младшей сестры начинает сочиться чёрная кровь. Он замер, а затем встревоженно закричал:

— Младшая сестра, на клинке был яд! У тебя рана почернела!

Хань Цошэн мысленно выругался: вот же невезение. Но лошадь останавливать не стал, а

продолжал гнать ещё несколько сотен метров, пока враги постепенно не исчезли из виду. Они проскакали почти ещё одну ли, поднялись на склон, и только тогда зрение Хань Цошэна окончательно поплыло. Пальцы разжались, поводья выскользнули, и он начал заваливаться набок.

— Младшая сестра!

<http://bllate.org/book/23869/3090921>